

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the center, a figure in a long, dark, hooded robe stands with their back to the viewer, holding a scythe. To the left, a large, glowing orange sun or moon is partially obscured by a dark, curved shape. To the right, a bright light source creates a lens flare effect, and several small, glowing white butterflies are scattered in the air. The background is a deep, dark red. The top and bottom edges of the cover are decorated with a repeating pattern of stylized, light-colored leaves and ferns.

Юлия Шаманская

И пойду искать края

НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЙ

18+

Юлия Шаманская
И пойду искать края

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Шаманская Ю. В.

И пойду искать края / Ю. В. Шаманская — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

ISBN 978-5-532-04740-2

Кто из людей заключал контракт с Богом на количество прожитых дней? Возможно, у нас есть еще время привести в порядок свои дела и подготовиться к переходу в иной мир. Но это не точно. Герою романа посчастливилось получить второй шанс.

ISBN 978-5-532-04740-2

© Шаманская Ю. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Виталий Георгиевич Шолохов брел по каменистой дорожке, проклиная собственные сланцы. Кто бы мог подумать, что дорогие фирменные тапки станут доставлять такие подлости их хозяину? Всего за одно утро резиновые враги умудрились зверски натереть между пальцами. К тому же они имели способность зачерпывать все дорожные камни и колючки и подкладывать их под нежную пятку москвича. Хотелось снять орудия пыток и запустить их в ближайший куст, но Виталий держал себя в руках, ведь тогда придется топтать до бунгало по природной дорожке. А значит, есть опасность наступить на скорпиона, или еще какую экзотическую ядовитую козявку.

«Ничего! – утешал он себя. – Леночка набрала с собой целый чемодан мазей!»

От пляжа до бунгало, где отдыхал сорокапятилетний Виталий Георгиевич со своей молодой спутницей, было всего десять минут ходу, но эти минуты казались бесконечными.

«Просто удивительно! – бормотал отдыхающий, – как мелочь может испортить отдых! А ведь каждая минута проживания в престижной гостинице острова Пхукет стоит немалых денег! Вот я сейчас ковыляю по дорожке, а денежки мои утекают!».

Топ-менеджер известной оптовой компании Виталий Шолохов славился среди знакомых умением хорошо заработать, и вместе с тем прижимистостью. Поэтому близких друзей у него не водилось ни среди богатых, ни среди бедных. Ибо бедным полагалось помогать, а с богатыми тратиться наравне. Всего этого Виталий Георгиевич не мог себе позволить. Но существовала одна статья расходов, здорово выбивавшаяся из бюджета. Женщины! Тут Виталию, хоть и со скрипом, приходилось идти на уступки и тратиться. Что подделаешь? Женщин он любил, причем чем старше становился сам, тем моложе женщины его привлекали. А они, вот беда, отказывались любить Виталия Георгиевича бескорыстно! В связи с чем у коммерческого директора сложилось определенное, нелестное мнение об особах противоположного пола. «Вся молодежь нынче испорченная и корыстная!» – любил говаривать он, и не заводил отношений более чем на неделю.

Но Леночка стала исключением. Двадцатилетняя мать –одиночка не требовала подарков. Ее не интересовали ночные клубы и дорогие рестораны. Леночка верила, что Виталий непременно женится на ней. И он подогревал ее мечты неопределенными намеками.

Разумеется, Виталий Георгиевич жениться не собирался. Он хорошо помнил, как выплачивал алименты за сына. И никакие его знакомства не помешали бывшей жене выиграть суд и накинуть удавку на его шею на долгих пятнадцать лет. Нет уж, такого больше не повторится! И вовсе он не обманщик! Ну почему он должен разрушать мечты бедной девочки, если они доставляют ей такое удовольствие?

Леночка, просто душка! Тонкая блондинка, с доверчивыми голубыми глазами. Обычно Виталий обходил мамочек стороной, но эта не навязывала ему младенца и была в любой момент свободна для встреч, имея бабушку, всегда готовую помочь. Сама Лена жила на пособие по уходу за ребенком, но ничего не просила у ухажера. Поэтому пара встречалась уже два месяца, и поэтому Виталий взял Леночку с собой в Таиланд.

Доковыляв, наконец, до бунгало, отдыхающий снял с ног орудия пыток и закинул их в урну. «Дверь» их номера, состоящая из бамбуковых бус, приятно зашелестела. «Леночка, наверное, спит еще, – подумал Виталий, – иначе она закрыла бы дверь номера на ключ. Видно, еще не может отойти от вчерашнего увлекательного путешествия по джунглям».

При воспоминании об этом Виталий даже зажмурился от удовольствия. Перед его мысленным взором, как наяву, предстал изумрудный тропический лес. Группа из десяти туристов, включая и Виталия с Леночкой, с трудом продвигалась по узкой тропе. В глазах рябило от

различных оттенков зеленого. Через полчаса такого путешествия Шолохову стало не по себе. Зеленые стены надвигались со всех сторон и будто сдавливали грудь. В поиске поддержки он протянул руку за спину, и с облегчением ощутил в своей ладони прохладную маленькую руку. Виталий оглянулся, но лишь на миг, нельзя было останавливать движение группы. В этот миг его взгляд выхватил из зеленого вихря краешек широкополой шляпы и сложенные в улыбку мягкие губы. В следующий миг он снова лицезрел широкую спину соотечественника, плотно обтянутую рубашкой цвета хаки.

«Эх, Петрович, – подумал турист, – это ты не давал мне спать сегодня. Это ты пел “Ой, мороз” в четыре утра, вернувшись из ночного клуба. Как бы было забавно, если бы сейчас с ветки упал питон да прямо тебе на голову!» Представив эту картину, Виталий злорадно похихикал про себя, но скоро снова заскучал. Сколько же еще идти? И куда именно они идут? И что ищут? Заказывая экскурсию, Шолохов не стал слишком разбираться, что она собой представляет. Ну, джунгли и джунгли! Однако теперь пожалел об этом. Все -таки он не совсем молод, и совсем не спортивен. Если они уже столько времени идут только “туда”, то сколько же придется идти “обратно”? Леночке, небось, это как семечки, она молоденькая, а ему тяжело. Как бы не осрамиться!»

Но в тот момент, когда Виталий почти изнемог, гибкие стебли зарослей расступились, и гид остановился на крошечном расчищенном от джунглей пространстве. Туристы сгрудились вокруг тайца. Все они пристально смотрели куда-то вверх. И Виталий смотрел в ту же сторону, на низкорослые пальмы.

– Смотри, смотри! – взволнованно зашептала Леночка, нетерпеливо ткнув Шолохова локотком в мягкий живот. – Это слон!

И чудо, только ее губы произнесли слово «слон», как серая громада будто материализовалась в зеленом воздухе. Перед ними, не обращая никакого внимания за людей, мирно пасся ушастый гигант. Огромный, похожий на пожарный гидрант хобот неторопливо ощупывал сладкую сердцевину яркого тропического растения. Приглядевшись, Шолохов с восторгом заметил возвышающиеся над травянисто-древесными зарослями серые крыши.

– Там деревня! – сказал он своей спутнице.

– Да, это деревня, где обитает племя, до сих пор хранящее древние традиции, – на ломаном английском прокомментировал гид. – Это и есть цель нашего путешествия.

Пройдя всего два шага по тропинке, туристы очутились прямо посреди деревни. Причем джунгли здесь и не думали отступать. Круглые, похожие на гигантские улья дома естественно вписались в пейзаж. Разве что места было чуть побольше, что говорило о том, что деревья вырубали, но ровно настолько, чтобы можно было передвигаться от дома к дому.

Слон исчез из поля зрения так же внезапно, как появился, зато прямо на уровне глаз Виталия Георгиевича в небольшом дворике, на лиане, как на качелях, раскачивались две макаки. Заметив маленьких варваров, Шолохов инстинктивно снял рюкзак и крепко прижал его к груди. Но макаки не стали грабить туристов. Вместо этого они запрыгали по веткам куда-то в зеленую высь леса, а все небольшое пространство деревни заняли невесть откуда взявшиеся тайцы. Их было немногим больше, чем гостей деревни: несколько мужчин, пара женщин и всего двое детей. Все они были аккуратно одеты в какие-то немыслимые яркие костюмы и совсем не напоминали дикарей. Мужчины вышли вперед, приветствуя иностранцев на тайском. Дальше уже стало не так интересно. Удивительно толстый вождь племени предложил гостям выпивку, представляющую собой самогон с травяным привкусом. Его пили из грубо выдолбленных из банановых стеблей рюмок. Как рюмки, так и самогон можно было купить тут же за доллары. Но цена показалась Виталию Георгиевичу возмутительной, и он не стал тратить.

В целом после небольшого отдыха в образцово-показательной хижине, рюмки успокаивающего напитка и довольно милого танца тайских женщин экскурсия Виталию понравилась.

Лена же радовалась, как ребенок. Она даже как будто поверила, что увидела на самом деле «древнее дикое племя».

«Интересно, поверила или нет? – раздумывал Шолохов. – Наверное, поверила, ведь она такая наивная дурочка!»

Войдя внутрь, Виталий сразу почувствовал неладное. По всему бунгалу были разбросаны куски бечевки и обрывки бумаги. Все возможные шкафы и шкафчики открыты настежь. Стенной шкаф, где Лена складывала одежду, зиял пустотой. На красных шелковых простынях незаправленной постели белел листок. Догадавшись, что записка все ему объяснит, Виталий прочел:

«Я подозревала, что ты обманываешь меня, поэтому заранее позаботилась о том, чтобы иметь возможность улететь. Я узнала, как поменять билет и как добраться отсюда до аэропорта. Так что не трудись искать, я уже в воздухе, лечу домой. Вчера, когда ты отправил меня на массаж, я нарочно вернулась раньше, заглянула в окно и увидела тебя с тайской девушкой (ты знаешь, наверное, что они тут все несовершеннолетние). Как не стыдно? После этого, я не могу оставаться с тобой. Прощай! И не звони мне в Москве».

Перечитав записку два раза, Виталий вышел из ступора и кинулся к своему шкафу. Конечно, деньги и ценности, и дорогой сотовый хранились в сейфе отеля, но курортник все равно убедился в наличии кошелька и нескольких сувениров. Она оставила даже купленную для нее шляпу!

Обнаружив все вещи на месте, Виталий Георгиевич лишь горько хмыкнул и решил, что дурочки – это не только плюс. Вот если бы он взял с собой корыстную Лариску, вышло бы дороже, но та бы не улетела в московскую зиму из-за ерунды. Она бы поняла, что гигантские рождественские скидки на услуги местных девушек – это слишком большое искушение для любителя экзотики.

Поразмыслив о случившемся, Виталий криво усмехнулся и решил не смотря на инцидент все же отдохнуть, как положено. Ведь отдых заслужен и деньги потрачены! Однако настроение было испорчено, и он решил отказаться от запланированной очередной экскурсии в реликтовый тропический лес. Сегодня Шолохов посвятит день лени. Вернется на пляж, выпьет пару коктейлей. А после обеда как следует выспится в бунгалу.

Покопавшись в чемодане, Виталий нашел лейкопластырь, тщательно заклеил поврежденные места на ступнях и облачился в разношенные теннисные туфли. Потом водрузил на голову кепку, повесил на плечо свежее полотенце и направился по дорожке к пляжу. Теперь он шел бодрее и преодолел путь не более чем за пять минут.

Ступив на песок, бизнесмен понял, что сегодня явно не его день. Веселые и бурные воды Андаманского моря покинули пляж, так же внезапно, как Лена покинула Шолохова.

На их месте били хвостами рыбы и заманчиво блестели на солнце морские звезды, их собирали в кульки мальчишки. Линия моря, будто дразнясь, пенилась в отдалении. Виталий окинул взглядом группки прибрежных кораллов, подумал было отломить парочку, но махнул рукой. Еще поранится. И кому дарить-то эту ерунду?

– Часто здесь отливы? – спросил он у женщины в белой шляпе, скучающей за стойкой отельного бара.

Дама нехотя оторвала взгляд от страниц глянцевого журнала и сквозь зубы процедила:

– Не знаю. Мы здесь третий день только.

– Приливы и отливы зависят от луны! – вмешался в разговор русский мальчик лет десяти. Виталий Георгиевич оставил эту реплику без ответа.

– Тихо сегодня! – вдруг опять заговорила дама в шляпе, кокетливо улыбнувшись.

«Не в моем вкусе», – решил Виталий, но все же откликнулся: – Правда?

– Разве вы не заметили? – удивилась женщина. – В это время здесь всегда щебечут птицы.

А сейчас совсем тихо.

– Не замечал. Может быть.

Он прислушался. До слуха доносились только крики резвящихся на пляже детей и веселые вопли молодежи. Но через минуту Виталию показалось, что он слышит странный гул.

– Здесь рядом стройка? – поинтересовался он у дамы.

– Нет, кажется, – ответила она.

– Вы не слышите гул? Будто рев машины. Даже земля качается.

– Точно! – взволнованно отозвалась женщина в шляпе. – Наверное, это землетрясение!

Теперь гул услышали все. Он стал сильнее. Подул неожиданный ветер, закачались навесы, попадали стулья. Рука бармена, наливавшего пиво, зависла в воздухе. В глазах тайца застыл ужас. Он что-то увидел позади Виталия. Захотелось обернуться и посмотреть, что там. Не успел. Сильный удар в затылок, и немедленно неведомая сила подбросила высоко в воздух, словно мяч. Он летел и летел, казалось, скоро достигнет воздушного пространства, где курсируют самолеты.

«Лена увидит меня за окошком, и я ей помашу», – пришла в голову мысль. Затем наступила чернота. Из тьмы выступали странные лица. Потом Шолохов вдруг заснул, и это был длинный мирный сон, долгий и скучный.

Пробуждение застало его посреди мутного и бурлящего потока, в толще желтой вязкой жидкости. В ту же секунду вода проникла в легкие, и Виталий захлебнулся. Борьба с водой не хватало сил, влага беспрепятственно проникала в рот и нос.

«Вот и все!» – успел подумать он перед тем, как его поглотила темнота.

Глава 2

Сознание еще раз возвращалось к Виталию. Измученное тело отозвалось сильнейшей болью в грудной клетке. Легкие обожгло, будто человек попал не в воду, а в пламя пожара. В следующую секунду боль отпустила, и он увидел свое всплывающее на поверхность тело. Виталий последовал за ним и оказался над водой. Его желтая гавайская рубашка пузырилась среди обломков пластика и деревьев. Можно было разглядеть затылок в обрамлении облачка бурых волос, напоминавших сейчас морские водоросли.

Он не мог оторвать взгляда от плавающей в мусоре фигуры. Страстно хотелось повернуть тело лицом вверх. Но нечто, что было сейчас Виталием, понимало, что сделать это он не в состоянии. Шолохов не мог даже определить, где находится. Лишь торчащие кое-где пальмы указывали на то, что не в открытом море. Внезапно воды вокруг забурлили, заволновались и унесли мусор вместе с телом в неизвестном направлении. Следовать за ним почему-то не хотелось.

«Или я сейчас проснусь, или та одежда, что была моим телом, мне больше не понадобится», – решил Виталий.

Мысль о смерти он принял сразу, но все еще слабо надеялся, что это сон или забытье.

В это время вода ушла полностью, и новый Виталий Георгиевич, который вероятно, был легче воздуха, продолжал висеть над грязным месивом. Болото в сочетании со свалкой – это все, что осталось от райского уголка, куда бизнесмен прилетел отдохнуть.

«Как в жизни все хрупко! – вдруг понял он. – Ах, если бы я знал это раньше!».

– Это бы что-то изменило?

Виталий обернулся на голос и заметил рядом с собой фигуру, мягко мерцавшую белым светом.

«Я тоже так выгляжу?» – подумал он.

– Увы, не так, – ответило белое существо.

– Здравствуйте! – обратился Виталий к свету, раздумывая, что принято говорить в таких случаях.

– Кто бы мог подумать! – покачало головой существо. – А ведь меня тобой наградили! Я был так счастлив! Христианин святой православной церкви, рожденный в колыбели чистой веры, внук новомучеников! Мне говорили, что тебе суждено стать праведником! Как могла приключиться такая ошибка?

Его слова проникали в самую душу. Виталию передалась вся горечь сожаления этого существа. Стало очень горько, горше, чем, если бы он выпил ведро полынной настойки.

– Что это? – спросил Виталий.

– Это стыд. Как жаль, что ты почти никогда не испытывал его при жизни! Мне не было бы так горько смотреть на то, что ты творил!

– Ты мой Ангел Хранитель? – догадался Виталий.

Существо молчало. Виталий заметил, что они все еще висят в нескольких метрах от земли. Под ними появились ободранные и стенающие люди. В основном тайцы. Они бродили среди обломков и кричали, видимо, звали пропавших.

– Уходите! – крикнул им Ангел и заплакал. Его слезы напоминали росу под солнцем, искрящуюся и переливающуюся всеми цветами радуги.

Но никто не слышал его. Виталий с горечью наблюдал за тем, во что превратился тот уголок рая, которым он наслаждался еще несколько минут назад. Казалось, что все живое и неживое пропущено через гигантскую мясорубку. Повсюду виднелись тела людей, остатки свай, вырванных деревьев, расплюснутых конструкций. Вся роскошь щедрой природы и богатой

сытой жизни была скомкана и выброшена, как будто работа нервного художника, неудовлетворенного своим эскизом. Минуту назад порядок и красота, а сейчас мусорная свалка.

От всего богатства, так ценимого людьми, не осталось ничего годного. Лишь груды обломков, покрытых грязью. Виталий ощущал всей глубиной своей, неожиданно до сих пор живой души, что и с ним произошло нечто похожее. Минуту назад он представлял собой значимую личность: начальник, которому кланялись низко многие, и не только официанты и служащие отеля, но и там, в далекой Москве. Он был уверен, что достоин уважения, он тяжело трудился, поэтому много и скопил. Ему пришлось вынести немало унижений, поднимаясь по карьерной лестнице, теперь настал его звездный час! Теперь он может склонять и унижать. А если кто хочет оказаться на его месте, пусть сперва потрудится. Еще несколько минут назад Виталий Георгиевич строил долгосрочные планы. Он был не молод, но и совсем не стар. Впереди, как ему казалось, долгие годы счастливой жизни.

Может, и возникнут трудности в карьере или обычные возрастные болезни, но он справится. Ведь теперь, когда за плечами опыт, – жизнь только начинается. И в ней будет все: власть, деньги, любовь, приключения, борьба, удачи и неудачи. Но сильный человек всегда выйдет победителем из любого боя. Так еще несколько минут назад размышлял Виталий Георгиевич Шолохов, и вот, будто по взмаху волшебной палочки, все оборвалось, весь его мир свернулся в свиток и потонул в океане.

И теперь он всего лишь тряпка, труп, часть мусора на этой гигантской свалке.

Даже та тряпка, что осталась от него, уже не принадлежит Виталию. Он ничего не имеет, потому что все, что приобрел за жизнь, – мусор. От Виталия Георгиевича осталась одна дрожащая от ужаса душа. Как же ясно все видно! Теперь он знает, что Бог есть. Он знает, что светящееся существо рядом – его несчастный Ангел, он видит тысячи душ, легкими облачками зависших над своими растерзанными телами, только не может общаться с ними. И этому миру Виталий больше не принадлежит, хотя знает о нем многое и видит далеко вокруг.

Шолохов знал, что явилось причиной катаклизма, знал, что пострадал не только Пхукет, что катастрофа намного масштабней. Знал, что уже погибло около девяти тысяч человек только в Таиланде. Он также знал, что прибывает новая волна. Через минуту она вновь покроет все вокруг и унесет людей, спасшихся от первой. Так и произошло, и вновь воздух наполнился легкими облачками погибших душ. Но каждый из его товарищей по несчастью был также одинок, и не имел возможности получить какое-либо человеческое утешение.

Шолохов снова остался наедине со светящимся существом среди бушующей стихии. Его больше не волновали земные проблемы. Он думал о том, о чем никогда в жизни и не помышлял. О своих грехах.

– Мне говорили, что тебе суждено стать праведником, – со вздохом повторил Ангел.

– Прости! – обратился он к Ангелу. – Мне жаль! Но как я мог стать праведником? Меня с детства никто не учил вере. В школе воспитывали в атеистическом духе. Всю жизнь я прожил среди неверующих людей...

– Ох, Виталий, как я не люблю эти убогие оправдания! Люди верили и в эпоху гонений. Я всегда был с тобой, и укреплял тебя, но ты слушал нашего врага. Его наставления тебя больше привлекали.

– Но я не знал ничего про веру, – упрямо повторял Виталий.

– Ты и не хотел знать. Уже давно Библия и духовная литература в свободной продаже. За это время открыли церкви, отстроили монастыри. А ты чем занимался? Деньги копил и людей обманывал? И еще будешь оправдываться?

– Нет, нет, хватит! – заплакал Виталий.

– К сожалению, все только начинается! – возразил Ангел. – Душу твою я вознести не могу. Поэтому крепись! Встретимся на той стороне тоннеля!

Ангел взглянул вверх, и Виталий последовал его примеру. В, покрытом серыми тучами небе открылась воронка. Душу затянуло туда в мгновение ока.

Виталий очутился на лугу с сочной травой. Над головой синел купол неба. И больше ничего от горизонта до горизонта. После ужаса грязи и обломков взгляд отдыхал, пришло умиротворение. Но не очень надолго. Шолохов почувствовал за спиной нечто неприятное и опасное. Он обернулся и встретился взглядом с человеком. Это был обычный человек, облаченный в обычный костюм. Но взгляд у него был нечеловеческий. Почувяв зло, Виталий отпрыгнул. Прыжок получился большим, метров на десять, но существо в костюме вмиг преодолело это расстояние.

– Куда? – спросило оно металлическим голосом. – При жизни мы были большими друзьями! Поздоровайся с другом! – И он протянул Виталию правую руку в черной перчатке.

– У меня же нет руки! – возразил Виталий.

Но тут же заметил, что он уже не бесформенное облачко. Он снова похож на человека. Увидел свои руки, и грязные босые ноги, и странную одежду. Серое, запачканное в крови и мазуте, рваное рубище.

– Давай, давай руку! – торопило существо в костюме. – Если пойдешь прямо сейчас, то пропустим лишние неприятные моменты.

– Какие это? – удивился Виталий. – Родственнички, киношка... Стыдить тебя все будут. – Неприятно это. Смысл перед ними унижаться? Тебе одна дорога – в ад. Так пойдём обустриваться.

– Родственнички? – на всякий случай Виталий спрятал за спину обе руки. – Я хочу увидеть папу и маму.

– Чудненько! Вот у нас и увидишь!

– Они в аду? – Где ж еще? Скорей, скорей! А то начнется! Ну, вот началось!

Человек в костюме с ненавистью взглянул за плечо Виталия и даже будто зашипел.

Виталий обернулся и увидел своего дедушку.

Виталий не помнил деда. Но видел несколько его фотографий. Там дед был изображен с бабушкой и с маленькой мамой.

Сейчас дедушке можно было дать лет 35–40. Ясное, доброе и одновременно строгое лицо обрамляла русая борода. Глаза лучились необыкновенным светом. Одежда состояла из вишневой бархатной с золотой вышивкой рубахи и военных брюк с лампасами.

Виталию стало стыдно за свое рубище.

– Здравствуй, внучек! Не думал, что такой будет наша встреча, – сказал дед.

Виталий понял, что человек в костюме, пожалуй, прав. Ему бесконечно стыдно перед дедом. Наверно, лучше уж сразу в ад.

– Ты хоть здесь уж не слушай лукавого! – сердито ответил дедушка на его мысли.

– А я ничего не говорю! – услышал Виталий знакомый металлический голос у себя за спиной.

Он поморщился. Значит, человек в костюме не ушел.

– Он не уйдет! – расстроено сказал дед. – Нечисть имеет некоторые права на тебя. Но все же мы с бабушкой надеемся, что тебя, как новопреставленного, пустят к нам в гости, посмотреть, как живем. Мама была у нас в гостях, бедняжка. Страдаем из-за нее. И это в месте, где Господь отнимает всякую слезу! Немного утешились, когда нам было сказано, что ты отмочишь мать. Но теперь ничего не можем понять. Ты совсем не оправдал надежд. Может, сын твой спасется, и станет молиться и за маму твою и за тебя...

– Я не понимаю, – прервал Виталий речь деда, – за что мама в аду? Она не была плохой женщиной. Не хуже других. Семью сохранила, меня воспитала, на ноги поставила. Никого не убивала вроде. Всю старость на огороде провела. Ну, может, были какие ошибки молодости. И,

может, в старости мы ссорились. Ну, может, это она развела меня с женой. Но все это пустяки, дело житейское! За что в ад?

– Мы сейчас не матери твоей грехи обсуждаем, – строго сказал дед, – сейчас ты предстанешь перед судом.

– А какие у меня грехи? Ну, девок любил. И все, пожалуй. Разве же это плохо?

– Ой, беда прямо с тобой! – расстроился дед. – Сейчас, гляди, начнешь, как мама твоя, Бога поносить, будто Он виноват, что она такая уродилась. Я этого второй раз не осилю!

– Сам хотел встретить его! – раздался справа тихий голос. – Ну, что, все в сборе? Начнем?

Виталий узнал голос своего Ангела Хранителя. В то же время мужчина не переставал ощущать холод, исходящий от злобного существа.

Посреди поля развернулся прозрачный экран. И новопреставленный увидел свою молодую мать с младенцем на руках.

Глава 3

Группа, состоящая из двух человек и двух неземных существ, наблюдала за тем, как на экране разворачивается жизнь Виталия Георгиевича Шолохова. Смотрели молча, лишь одно существо злобно хихикало в самых «остреньких» местах фильма.

Виталию казалось, что картина его жизни удивительно напоминает пошленькую голливудскую комедию. Главный герой ее, довольно мерзкий тип, не внушал ни капли сочувствия зрителям. Виталию казалась, что не мог внушать. С тех пор, как встал на свои едва окрепшие ножки, вся цель его жизни заключалась в том, чтобы урывать куски побольше, обманывать, наживаться и испытывать удовольствие как можно дешевле. Перед Шолоховым на экране предстал четырехлетний мальчишка, что-то мило лепетавший на своем, пока не понятном для взрослых языке. Но теперь он живо ощущал всю мерзость своего маленького умишка. Ребенок ударил девочку в детском саду, отобрал у нее игрушку, а теперь строит умильные рожицы, чтобы избежать наказания. То же чувство он испытывал и тогда, когда подставил под суд коллегу на работе, и когда пришел с цветами к жене, стараясь, таким образом, задобрить ее, после того, как всю ночь пропадал у любовницы. Вся жизнь Виталия с младенчества состояла из лукавых планов и страхов быть раскрытым. Всю жизнь он с удивительным искусством перекладывал свою вину на других. В этом и состоял, казалось, его талант.

С каждым кадром стоящий рядом Ангел Хранитель все больше сникал, дед мрачнел, а бесу становилось все радостнее. В тишине раздавались только его восклицания:

– Во дает! Ловко!

Человек в костюме пребывал в самом лучшем настроении, за весь фильм он расстроился только один раз. Только один день выбился из ровной череды позорных лет жизни Виталия – день его крещения.

– Отвези нас с ребенком в Соколовку! – как-то утром потребовала мама.

– Зачем это? – удивился папа. – Что тебе там смотреть? Хату продали, твой отец с матерью похоронены неизвестно где. И это не безопасно! Могут увидеть соседи, вспомнить, что ты дочь врагов народа.

– Поедем ночью! – решительно заявила мать. – Там духовник моих родителей живет, отец Андрей. Он вернулся из ссылки на родину. И именно он должен крестить Виталика!

– Ты с ума сошла! – выпучил глаза отец и затрясся мелкой дрожью.

В этот момент маленький Виталик, убедившись, что взрослым до него нет никакого дела, стащил со стола шоколадку.

Родители погрузили сонного Виталика в «москвич» и повезли в неизвестную даль. Мальчику было тогда шесть лет.

Папа ворчал, что мама такая же сумасшедшая, как и вся ее семейка, и так же плохо кончит, как и они. Еще и его, честного советского гражданина, за собой утащит в погибель.

– Подумаешь, приснился мертвый папа и что-то повелел!

– Он не приснился! – устало твердила мама.

– Вот увидишь, – не унимался отец, – нет там никакого отца Андрея. Попов давно всех расстреляли, как и твоих родителей.

– Увидишь, что есть! – повторяла мама. – И расспрашивать никого не будем, я знаю хату!

Путники постучали в двери темного покосившегося дома незадолго до рассвета. Дверь сразу же приоткрылась и раздался тихий старушечий голос:

– Москвичи? Проходите скоренько, батюшка ждет вас!

Даже Виталька, привыкший вечно хныкать и жаловаться, притих, с интересом разглядывая убогую обстановку горницы. Навстречу вышел согбенный старик в черном, как ему казалось, платье.

– Проходите, детки! У меня все готово!

Старушка, открывшая двери, раздела ребенка и обрядила в белую рубаху с вышитым крестиком. Старичок тихо и долго что-то говорил. Слова были мудреные, и никто их, кроме старушки, не понимал. Потом мальчика окунали в прохладную воду в корыте, стоявшем посреди горницы. Ребенок окунаться не хотел. Пытался протестовать, но старичок мягко и одновременно крепко удерживал затылок. После крещения Виталий почувствовал нечто удивительное внутри. В его душе возникло что-то теплое и светлое. Видимо, это отразилось на его лице.

– Смотрите, как благодать действует! – улыбнулся старик.

А она распространялась по всему телу. В голове будто зажглась лампочка, и пришел покой. Такого Виталик не ощущал никогда...

Дитя вновь переодели в костюмчик, напоили чаем с баранками. Дедушка побеседовал с мамой и папой.

Назад Шолоховы ехали молча. Мама плакала. Лицо папы сохраняло удивленное выражение. А Виталик был будто бы и не с ними. Боялся, что если произнесет хоть слово, уйдет то волшебное, что появилось внутри. Когда они подъезжали к своему московскому дому, папа нарушил молчание.

– Значит, мертвые все-таки живы?

Мама промолчала и отвернулась.

– Надо бы и мне креститься! – сказал папа...

И на этом эпизоде кто-то включил паузу.

Виталий ощутил, как дедушка кладет руку ему на плечо.

– Но он так и не крестился!

– Странно, почему? Я так понял, что ты явился маме, наказал меня крестить. А потом, этот священник... Это же чудо!

– Да, – согласился дед, – чудеса могут встряхнуть человека, но все проходит и забывается. И твоя благодать крещения отошла после того, как ты вернулся к привычной жизни. И родители забыли все чудеса, нашли им «разумное» объяснение и стали жить, как удобно. Ведь что двигало желанием твоего отца креститься? Обыкновенный страх перед смертью! Страх Божий – это хорошо. Это начало покаяния. Но на одном страхе далеко не уедешь. Да и не будет Господь постоянно пугать, чтобы спасались из-под палки. Тебе понятно это?

– Мне кажется, что я начинаю кое-что понимать, – сказал Виталий, опустив голову.

– Да поздно! – хохотнул бес. – Давайте, давайте смотреть дальше! Такое интересное кино! Дальше веселее!

Вновь замелькали кадры, и это было настоящим мучением. Виталий возненавидел главного героя фильма. До чего ж он был подлый и ничтожный тип! Как таких вообще земля носит?

В этом фильме, кроме своей жизни, Виталий увидел и жизни других, на которые он оказал влияние. Ему показали юную девушку, соблазненную им, еще в молодости. Он вскоре бросил ее. А девушка забеременела. Не желая навязываться человеку, который не любит ее, сделала аборт, а потом спилась и рано умерла.

Показали ему много девушек, которые, вспоминая, проклинали его за обман. Шолохов вдруг осознал, что эти проклятья действуют, что эта вереница никчемных знакомств для приятного времяпрепровождения и привела его к катастрофе, к смерти. Он понял, что обманывал каждую из своих подруг, каждая надеялась в его лице найти опору, мужа. Все надеялись, даже те, кто утверждал, что хотят просто развлечься. Обманывая одну за другой, он ранил и разбивал женские сердца, собирая над собой тучи, и они завершились в его судьбе цунами. Многим Виталий испортил жизнь. Живя в грехе с ним, женщины упускали возможность познакомиться

с другим человеком и создать семью. Виталий чувствовал, что за каждую женскую слезинку ему еще придется ответить. Стоя на прекрасной лужайке, он понимал, что язык не поворачивается обвинять этих женщин. Да. Они тоже грешили, и ответят за свой грех, но он виноват вдвойне.

Еще одним страшным открытием для него было то, что он в ответе и за продажных женщин. До сих пор Виталий считал, что тут-то он никого не обманывает. Все честно: товар – деньги. Но, наблюдая за позорными сценами, он понял, что разделяет ответственность, и разделит ту же участь, как если бы он сам продавал свое тело. Удивительно, как раньше он не замечал, что платит не бездушной кукле, а покупает душу человеческую для ада, являясь посредником сатаны. Все честно! Нет спроса, нет предложения. Своим поведением Виталий способствовал распространению этого порока и губил свою и чужие души.

Он погубил и душу своей жены. Бедная мучилась с ним, терпела измены, терпела злую ревнивую свекровь, становясь все ожесточеннее. Если бы он не бросил эту женщину с ребенком! Если бы он сам изменился! Если бы они венчались! Если бы он стал ходить в церковь! Спаслись бы оба. Жена любила его, и готова была слушаться. Но Виталий сделал из жены современную женщину. После развода она занялась карьерой, она заводила бой-френдов, к которым относилась с долей презрения, а сын стал практически предоставлен сам себе. Ведь у мамы других забот хватает. И в этом виноват Виталий!

Никогда Виталий Шолохов не испытывал таких нравственных мучений. Он знал, что если бы с такой же ясностью осознал свой грех в собственном смертном теле, то немедленно умер бы от разрыва сердца, инфаркта или инсульта.

Совершенно точно, эмоций, испытанных при просмотре своей жизни, не выдержит ни один человек, если находится в смертном теле.

Последние кадры жизни Шолохова отличались своеобразной трагической красотой. Огромная волна цунами несется на белый песчаный пляж, корежа и уродуя облик сытой и комфортной человеческой жизни. Волна отрывает Виталия от стойки бара, подбрасывает вверх, будто мячик. Кидает, как разъяренный муж, застукавший на месте преступления свою жену, и оставляет плавать в куче мусора уже мертвую оболочку.

А затем, будто решив прибраться, уносит далеко в океан.

Эта картина оказалась последней. Экран свернулся. А Виталий так и остался стоять посреди поля, с горечью размышляя о том, что легко мог бы прожить иначе.

– У тебя будет много времени, чтобы обдумать свою жизнь! – вывел Шолохова из задумчивости дедушка. – Но пока забудь! Пойдем со мной, к нам в гости! Не стану больше обвинять тебя. Ведь тебя еще не раз обвинят, а пожалеют ли, – это вопрос.

Дед взял внука за руку и повел в сторону восходящего из-за горизонта солнца. Это было необычное солнце. Оно не слепило и наполняло сердце покоем. Ангел Хранитель отправился за ними. Человек в костюме, постояв немного в одиночестве, злобно плюнул, крикнул «До встречи», превратился в черный дым и исчез.

Глава 4

– Благодарю свою мать, что она совершила подвиг в своей жизни и окрестила тебя! Сам бы ты не крестился, и не видать тебе тогда райских селений! – сказал Ангел.

– Мы идем в рай? – спросил Виталий.

– Только посмотреть. Всем людям с благодатью крещения через три дня после кончины показывают рай.

Внезапно бесконечный пейзаж зеленого луга изменился, и Виталий увидел невдалеке деревья. Через секунду путники входили в сад. Виталий Георгиевич любил путешествия. Он успел посетить самые красивые уголки земли. Особенно его впечатлили Мальдивы и остров Маврикий. Но красота этого сада оказалась ни с чем не сравнима.

На деревьях рядом с удивительными листьями соседствовали одновременно и цветы, и плоды. Траву покрывал яркий ковер неземных цветов, тут же протекал серебристый ручей.

– Дальше этот ручей превращается в реку, – сказал Ангел.

Дедушка протянул руку к ветвям ближайшего дерева, и в его ладонь упал золотистый плод.

– Попробуй! – он отдал плод внуку.

Виталий ел и понимал, что ради этого плода можно отдать все деньги мира. Потому что такого наслаждения он не испытывал никогда, ни в пище, ни в чем другом.

– Я остаюсь здесь жить! – воскликнул Виталий.

Дед улыбнулся, взял его под локоть и потянул за собой. В ту же минуту они покинули сад и вступили в селение. Виталий забыл о саде и влюбился в уютные домики с зелеными лужайками. Между ними ходили веселые, нарядные люди, с чистыми светлыми и красивыми лицами. Они собирались группками, приветствуя друг друга. Эти группки объединялись, пока не образовали одно стройное шествие.

– Куда все направляются? – спросил Виталий у дедушки.

– В храм! При жизни они тоже ходили в церковь и там поклонялись невидимому, но любимому Христу. Они жили верой, надеждой и любовью. Теперь, когда Христос сам приходит к ним в храм, вера больше не нужна, надежда увидеть Его тоже оправдалась. Осталась только любовь, которая расцвела пышным цветом, и эта любовь не иссякнет вовек.

– Пойдемте за ними в храм! – попросил Виталий, заметив, что его спутники направляются в другую сторону. – Я тоже хочу увидеть Христа!

– Тебе нельзя! – грустно сказал Ангел.

И они пошли дальше.

Им встретились подобию старинных городов, обнесенных золотыми стенами, с воротами из драгоценных камней. Виталий захотел войти туда, но ему запретили.

– Тебе туда нельзя! – вновь сказал Ангел. – Ты бы не двинулся дальше селений, если бы не имел родных, ставших святыми мучениками. Твои дедушка и бабушка отдали жизни за Христа, и теперь принадлежат знатному сословию. Мы направляемся в их жилище. – – Бабушка соскучилась по тебе! – сказал дед. – Идем скорее, она ждет.

– Но, я, кажется, никогда не видел ее!

– Главное, она видела тебя! Всегда переживала и молилась.

Вскоре показался зеленый, покрытый цветами холм, а на нем роскошный особняк.

– Вот мы и дома! – воскликнул дедушка.

Виталий встал, как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от строения. Шолохов смутно помнил домик, где родилась мама. Он был темным, тесным и убогим. Там всю жизнь прожили бабушка и дедушка. Знали ли они, что после смерти получат такой роскошный дом?

– Мы не думали об этом, – будто услышал дедушка мысли Виталия, – в жизни было много хлопот, времени на мечты не оставалось.

– Разве вы шли на смерть не потому, что надеялись на награду? – спросил Виталий.

Дедушка немного задумался и решительно покачал головой.

– Точно, нет! Мы даже не думали, что умрем. Перед расстрелом молились с бабушкой, чтобы палачи нас отпустили, надеялись на чудо до последнего вдоха. Но когда умерли и получили венцы, удивлялись, вспоминая, как хотели остаться на земле. Там столько горя и мучений, а мы не ощущали даже.

– Как не ощущали? – удивился Виталий. – Разве вы не жили в полуразвалившемся доме? Разве не знали обид от соседей и властей? Разве у вас не забрали последнюю скотину? Разве вы не терпели голод? – Виталий говорил, и сам удивлялся, откуда знает все это? Ведь никто не рассказывал ему.

– Здесь все становится явным, – подсказал Ангел.

– Да, все так, как ты говоришь! – подтвердил дедушка. – Трудно было жить, но не так трудно, как ты можешь представить. Ведь мы с бабушкой жили с Богом. А с Богом, Божией Матерью и святыми не было так уж трудно. Они всегда приходили на помощь и утешали. Вспоминая нашу жизнь, я могу утверждать, что мы были счастливы. И умирать вовсе не хотелось. Вместе с Богом бедность и болезни сладки. Мы не хотели умирать, но, понятное дело, не отреклись от Христа. И ушли из жизни, доверившись воле Божией. Как ты понимаешь, наши приключения на земле окончились. Здесь хорошо. Здесь радостно. Здесь мы возле Бога, и вдалеке от мерзких существ, искушавших на земле. Не испытываем больше горечь греха. Одно расстраивало, что оставили дочь в беде, на земле. Но когда мы умерли, она уже отказалась от нас, и не стала бы слушать. Мы молили Господа о ней. Многие люди были посланы твоей матери на земле для вразумления, многие знамения. Даже я явился перед ней, как живой. И не во сне, а наяву. Я свел ее и твоего отца со святым старцем, открывшим многие тайны их жизни. Но все было напрасно!

Виталий не мог оторвать взгляда от чудесного дома. Он сиял и переливался, отражая радугу. Вокруг летали разноцветные птицы с ярким оперением и пели удивительные песни. Серебряные ворота открылись, и показалась тонкая фигурка с голубом платьем. Женщина помахала им рукой и устремилась вниз с холма, навстречу.

Она подошла и широко улыбнулась. В ее лице Виталий стал улавливать бабушкины черты, как на старых фотографиях.

Молодая бабушка взглянула на внука, и ее сияющее лицо омрачила тень жалости.

– Что же вы его водите в этом рубище? – спросила она и дотронулась рукой до одежды Виталия.

Появилось ощущение легкости и свежести. Взглянув вниз, Шолохов заметил, что одет в чистую белую рубаху с пояском и простые светлые брюки.

– Погости у нас, дружок! – вздохнула бабушка, – не думай пока об аде.

– Он и не думал, пока ты не напомнила, – пробормотал дедушка.

– А мне обязательно в ад? – спросил Виталий, когда они шли мимо чудных цветочных полей к дому.

– Увы, придется! – вздохнула бабушка. – Увидишь, в любом случае, потому что у тебя есть грехи. Впереди еще мытарства, может, оправдаешься?

– Но ты ведь не веришь этому, бабушка?

– Факты говорят об обратном, но сердце подсказывает, что ты не предназначен для ада.

– А стоит ли верить сердцу, когда факты налицо? – горько усмехнулся Виталий.

– Увидим! – коротко ответила бабушка, и, открыв ворота, пригласила гостя войти.

Глава 5

Виталий окунулся в аромат цветов. Сам воздух рая источал ощущение покоя и счастья. Как бы он ни наслаждался на земле, такого не чувствовал.

«На земле ты один, по крайней мере, чувствуешь себя одиноким, – размышлял Шолохов. – И с каждым годом, с увеличением жизненного опыта, понимаешь, что в любую минуту может случиться что-то, что перевернет всю жизнь».

Это понимание пришло со зрелостью. Виталий боролся с ним с тридцати лет, периодически пропивая курс антидепрессантов. Он тратил деньги на психолога, который убеждал, что все пустое, и все зависит от самого человека. Но последние события доказали, что прав был невротик Виталий, а не профессионал Дмитрий Павлович.

– В молодости ты ходишь, куда хочешь, а в старости, тебя свяжут и поведут, куда не желаешь, – вмешалась в ход мыслей бабушка. – Заходи, что встал у порога?

В окно был виден внутренний дворик. Но двориком его можно было назвать весьма условно. Перед взором Виталия открылся обширный и прекрасный сад, такой же, как при «входе» в рай. Виталий услышал веселый звонкий смех.

– Кто там? Ангелы? – поинтересовался он.

– Нет, это люди. Идем, познакомлю!

Посреди сада, как бриллиант среди изумрудов на драгоценном перстне, сверкала поляна. Хотя самого солнца нигде не было видно, но поляна будто светилась изнутри. Юноши и девушки в белых одеждах плели из удивительных цветов длинные гирлянды и весело беседовали.

– Это твои тети и дяди! – представила бабушка.

Молодежь, завидев Виталия, оставила свое занятие. Они вскочили и бросились гостю на шею. Целовали, приветствовали и называли свои имена. А затем, спохватившись, побежали накрывать стол для пира (как они выразились).

– Не понимаю! – обратился Виталий к бабушке. – Какие дяди и тети? Мама у вас, насколько я помню, единственная дочь.

– Единственная дочь, что не умерла в младенчестве, и единственная, что попала в ад, – ответила бабушка, и ее сияющее лицо на секунду закрыла тень.

– Для чего эти гирлянды? – спросил Виталий, желая направить разговор в другое русло.

– Церковь украшать.

– Вы ходите в ту церковь, что в селе?

– Нет. То село, что ты видел, далеко отсюда. Но не в этом дело. Расстояния здесь не проблема. В раю огромное количество сел и городов. Тебе показали именно то село, потому что, скорее всего, ты бы там жил, если бы вел тихую жизнь на земле. Никого не обижал, не грешил, ходил в храм, каялся, причащался, творил по силам добрые дела. Жил бы так, и получил жительство в том селении. Понравилось оно тебе?

– Да, очень. Там красиво и радостно, все такие дружные, любят друг друга.

– Почему бы им не любить? Они и при жизни любили близких, несмотря на бесов, которые постоянно пытались их посорить. А здесь, без помех, любовь лишь умножается. И Христа они любили, несмотря на то, что не видели Его, но ходили в храм с надеждой и верой. А теперь видят. И видят, насколько Он прекрасен, и понимают, что любовь их взаимна. Христос их любит. Что еще нужно?

– Удивительно! – воскликнул Виталий, – и так тут живут простые не выдающиеся люди?

– Ты разве не встречал там бабу Тоню?

– Эту вредную старушку, каждый день гуляющую с собачкой? Ее же не любил никто! И дочка от нее сбежала. Не давала мама ей свободы. Гулять не пускала, называла разными словами. Уж никак не думал, что такая ведьма в рай попадет.

– Да какая она ведьма? – вплеснула руками бабушка. – Что это за сплетни в рай? Старушка пыталась, как умела, вразумить тебя, когда ты в юности бар на скамейке устраивал. Пил пиво и курил. Она думала, что ты плохой пример подаешь детям. С дочкой ей тяжело пришлось, непутевая была.

– А ты разве не помнишь, как баба Тоня в прощенное воскресенье прощения у тебя просила?

– Помню! Как раз через месяц после того и умерла. Так ведь она у всех просила. Традиция у них, богомолка, такая.

– Вовсе не по традиции она просила, Бог знает, что раскаялась в раздражении своем. Жизнь трудную Антонина прожила, никто особенно и не уважал ее. Простая была женщина. И за простоту эту, хоть, возможно, и не нарочно она себе ее избрала, Господь даровал ей дополнительные венцы.

– За какие это подвиги, интересно, венцы? – заупрямился Виталий.

– Подвиги не подвиги, но не роптала Антонина на свою жизнь, воле Божией покорялась. И этого довольно для нее.

– Надо же! – расстроился Виталий. – Не думал я, что так легко в рай попасть. Думал, что так много запретов и предписаний, заповеди такие трудные, что нечего и начинать. Все равно не справлюсь.

– Помню, помню! – вмешался в разговор Ангел Хранитель, не отходивший от Виталия ни на минуту. – Помню ту нашу беседу.

– Нашу беседу? – удивился Виталий.

– Это ты думал, что говоришь сам с собой, размышляешь. На самом деле беседа происходила между мной, тобой и бесом. Это случилось после того, как режим безбожный рухнул, и многие к церкви потянулись. Позволь тебе напомнить, как все было.

Ангел Хранитель глянул Виталию в глаза, и перед умершим развернулась сцена, будто в театре. Он увидел себя, еще молодого человека, сидящим за рабочим столом. Вокруг суетились сотрудники, а рядом с ним справа и слева стояли неземные жители. Вид одного был прекрасен, другого мерзок.

Ангел: Если есть рай и ад, то нужно попробовать не попасть в ад после смерти! Сходи в церковь!

Виталий: Ну, схожу в церковь, и что? Чтобы попасть в рай, нужно соблюдать все заповеди, а я не смогу.

Бес: Да и кто сможет? Чтобы все соблюсти, надо продать все, отдать бедным, одеться в рубище или черные одежды и питаться сухарями с водой.

Ангел: Не думай о сухарях! Просто сходи в церковь, покайся, чтобы Господь простил тебе то, что ты уже наделал.

Виталий: Пожалуй, это не трудно. Здорово, если Бог простит мне грехи так просто и безболезненно.

Бес: Совсем не безболезненно! У тебя такие постыдные грехи, как можно рассказывать такое чужому человеку? Он, конечно, осудит тебя и обругает. Это же надо пойти, унизиться. И перед кем? Перед попом! Все говорят, что попы больше всего и грешат!

Ангел: Иди, расскажи грехи на земле, и Бог их простит на небе!

Бес: Не простит, они слишком отвратительны!

Ангел: Твои грехи не более чем человеческие! У многих такие же грехи, и Бог прощает. Он и убийц прощает, только бы покался! Господь любит всех людей, и очень хочет всех спасти!

Бес: Правильно! Если твои грехи не такие ужасные, а Бог столь милосерден, то он и так простит.

Виталий: Логично!

Ангел: Разве в таком деле можно полагаться на авось? А если погибнешь? Просто пойди и Расскажи священнику грехи! Это не сложно!

Виталий: Как-нибудь схожу.

– Вспомнил, – грустно потупился Виталий.

– Ну что, сходил как-нибудь? – поинтересовался Ангел.

– Я думал сходить в старости, после того, как погрешу еще.

– Значит, ты не был таким атеистом, каким выставлял себя перед другими? – спросил Ангел.

– Нет. Я не был атеистом. Просто понимал, что слишком привязан ко греху, это сильнее меня. Заявить, что я верующий, и продолжать ту жизнь, которую я вел, было равносильно признанию своей слабости и зависимости.

– Поэтому с этого признания и начинается покаяние! – вмешалась бабушка. – И поэтому покаяться трудно. Хоть атеисты любят говорить, что легко, что верующие лицемеры. Согрешил, исповедался и опять грессишь. Но самим-то насмешникам, когда до дела доходит, исповедать грехи свои почти невозможно. Ибо вершится это таинство только через смирение. Смирение для богохульников – вещь невозможная. Вот ты бы пожалел о своих грехах, рассказал бы на духу, даже если думаешь, что не можешь от них избавиться. Обратился бы к Богу, он бы помог исцелиться от зависимости. Но помешала гордость. Обычное дело!

– И теперь я пойду в ад со всеми своими грехами! – подытожил Виталий. – Интересно, как там?

– Ты обязательно это увидишь! – ответила бабушка. – Но у нас еще есть время. Пойдем, я накормлю тебя. Бабушки больше всего на свете любят кормить внуков. А ведь ты у меня единственный родной внук. Так что доставь мне удовольствие!

Бабушкина улыбка осветила Виталия, и казалось, проникла к самому сердцу. Шолохов заметил, что они идут по чудесному лугу среди цветов и бабочек, идут к новому великолепному строению.

– Ничего себе у вас домик! – воскликнул Виталий, – это что все во внутреннем двореке?

– Дом большой, – ответила бабушка, – за месяц не обойдешь! А то здание – трапезная.

Чтобы попасть в трапезную, нужно было пересечь огромный, почти бескрайний луг. При жизни Виталий не любил ходить, даже в булочную ездил на автомобиле. Но сейчас он бы согласился идти по этому лугу тысячу лет. Да, Шолохов без преувеличения готов потратить всю вечность на этот путь! Его босые ноги ступали по мягчайшей, как пух изумрудной траве. Пораженный Виталий вдруг осознал, что она живая! Упругие стебли бережно поддерживали его ноги, будто помогали, облегчая движение. Травы отличались разнообразием, тысячи и тысячи видов! На земле таких не встретишь. Золотистые колосья обнимали щиколотки, будто игривые щенки. Другие колосья напоминали бархат, их головки венчали цветы, отдаленно похожие на земные розы. Белые, пурпурные, радужные – они раскрывали навстречу путникам свои диковинные лепестки.

Неожиданно бабушка скрылась в разноцветном вихре. Воздух вокруг Виталия стал цветным и живым. Прошло пару секунд, прежде чем он понял – это бабочки! Неземные красавицы, только что почивавшие на луговых цветах, завидев людей, радостно устремились им навстречу.

Восторг наполнил сердце Виталия. Да, у него осталось сердце. Бесплотное сердце, которое жило где-то в бесплотном теле. И оно трепетало, как легкие крылья бабочек. Умерший уже готов был раствориться в счастье, в этом вихре летающих цветов, когда его, как стрела, пронзило сладко-горькое воспоминание из далекой юности.

Он хотел покорить девушку, ту самую, которую и погубил потом. Друг посоветовал приготовить для нее романтический подарок, перед которым, по его словам, не устоит ни одна девушка. Виталий добыл коробку от обуви, вытрусив из нее мамины туфли. В коробку положил сорванную в палисаднике у тети Нюры розу и листок с переписанными от руки стихами Фета. Там же, в палисаднике, он выловил банкой бабочку-капустницу и посадил в коробку.

– Открой! – попросил он девушку и, страшно волнуясь, протянул коробку.

– Что это? – недоверчиво разглядывала она коробку.

– Это сюрприз.

– Мышь?

– Почему ты обо мне так плохо думаешь? – обиделся Виталий.

– Потому что ты известный хулиган!

– Открой, и ты поймешь, что это не так.

Все еще опасаясь, девушка открыла коробку. Ее брови поползли вверх.

– Бабочка? Бедненькая! Почему она не улетает? Ты не повредил ей крылья?

Виталий наклонился над коробкой. Локон девушки коснулся его щеки, и лицо парня моментально вспыхнуло. Оправившись, бабочка вспорхнула и исчезла в небесной выси. Молодые люди проводили ее полет восхищенными взглядами.

– Прочитай, это для тебя! – дрожащим голосом произнес Виталий.

Девушка взяла в руки листок, пробежала глазами по строчкам, и выражение ее лица смягчилось. Взглянула на Виталия уже по-другому, улыбнулась и тихо выдохнула:

– Спасибо!

Виталий помнил это стихотворение яснее, чем когда-либо. И теперь оно наполнилось для него совершенно иным смыслом.

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем –
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот – дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

Тогда, в юности, Виталию казалось, что это стихотворение о кратковременной земной любви, теперь он ясно понимал – оно о всей земной жизни. Кто бы мог подумать, что вся жизнь даже не пролетит, а мелькнет на мгновение, как крыло бабочки. И вот – нет ее.

Изнемогая от душевной боли, он упал в траву и заплакал. Райские колосья обняли его, как любящая мать, травы нежно гладили по голове. Две лазурные бабочки приземлились на щеки Виталия и смахнули его слезы своими крылышками.

– Вот ты где! – услышал он голос бабушки над головой. – А я тебя потеряла! Почему ты плачешь в месте, где нет печали и воздыхания?

– Бабушка, каким же я был дураком! – с горечью ответил Виталий.

– Ум здесь ни при чем. Умом господь наградил тебя недюжим, – возразила она. – Не плачь, милый, не сокрушайся. Еще не все потеряно. Пойдем, отдохнешь, подкрепишься, а потом в бой, с новыми силами.

– В бой? – удивился Виталий. – Разве я не проиграл битву?

– Не могу знать этого определенно, но готова бороться за тебя дальше. Я пойду с тобой в ад.

– Правда? Бабушка, ты это сделаешь? Я бы никогда добровольно не согласился уйти отсюда, даже на минуту. Тем более в ад!

– Солнышко мое, – улыбнулась молодая бабушка Виталия. – Рай – это не место. Рай – это любовь! А она всегда со мной. И я рада, что могу проявить свою любовь, пожертвовав чем-то для тебя. Лучшей награды не может быть.

Глава 6

– Это в честь меня такой пир? – спросил Виталий, оглядывая длинные столы, украшенные цветами и заставленные диковинными яствами.

– Не совсем! – улыбнулась бабушка. – Но мы рады, что ты смог присоединиться к нам, хоть ненадолго. Наслаждайся, не медли. Ведь дни в раю летят, как птицы, а у тебя осталось немного времени.

Ступив в зал, потрясенный Виталий застыл на пороге. Все пространство было наполнено радужными лучами, отражающимися от стен. Стены оказались прозрачными. Они пропускали внутрь далекую синь небес. Сквозь них можно было разглядеть покрытые цветами холмы и миллионы бабочек, парящих над цветами. В целом райское поместье бабушки можно было бы назвать царством бабочек. Всех цветов и узоров, маленькие и огромные, бархатные, и прозрачные, как живые цветы парили они в воздухе и устилали пестрыми коврами все вокруг. Бабочки беспрепятственно проникали сквозь стены трапезной и садились передохнуть на парчовые подушки. Виталий поразился устройству этих диковинных стен. Они выглядели прочными, как бриллиант, и так же как драгоценный камень преломляли свет, но при этом были проницаемы. Вот перед ним прямо сквозь стену в зал влетела огромная золотая птица, с блестящей головой, увенчанной синим хохолком. Она приземлилась на гроздь винограда, подцепила ягоду тонким клювом и исчезла где-то под сводами.

Провожая птицу взглядом, Виталий поднял голову и буквально окунулся в синеву. Потолка в трапезной вовсе не было, только бескрайнее синее небо. Не лазоревое, а именно синее, оно переливалось как атлас и было усеяно множеством серебристых звезд. Это снова заставило Виталия удивиться: как так, звезды при ярком свете дня?

Чем больше он всматривался ввысь, тем крупнее становились звезды. Они были уже не одноцветные, а всех цветов радуги.

Небесные светила жили, сверкали и будто пели. Вначале был слышен только далекий торжественный мотив, но он становился все ближе, и вот гость рая уже стал различать слова: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнены небо и земля славы Твоя!»

Мелодия звезд поглотила Виталия, потрясла все его существо. Он снова плакал, но в этот раз от восторга. Теперь он был готов остаться навеки на пороге бабушкиной трапезной, вечно стоять и слушать мелодию звезд.

Бабушкина рука мягко опустила его голову на свое, пахнущее незабудками плечо.

– Время, – тихо промолвила она.

Виталий со вздохом повиновался и устроился на подушках, удобство которых ни с чем не выдерживало сравнения. Присутствующие мужчины и женщины в прекрасных одеяниях возблагодарили Господа и приступили к трапезе.

Здесь не было мяса, каких-либо острых закусок, солений и жирностей, к которым он привык на земле. Не было горячительных напитков, рыб, омаров, икры и прочих деликатесов. Но такого великолепия Виталию в жизни встречать не доводилось. Ничего даже приближенного к этому не мог найти земной богач. Над покрытым белоснежным шелком столе возвышались сказочные цветы. Невероятно красивый плющ ложился на скатерть искусным узором. В стройном порядке были расставлены золотые блюда и хрустальные кувшины с искристой влагой. Виталий попробовал глоток. Это была вода, но какая! Испив райской воды, он понял, что вся вода на земле горька. Шолохову доводилось пить воду из альпийского горного источника, но ее и сравнивать было невозможно. Теперь он это ясно понимал.

Виталию казалось, что попади он сейчас снова на землю, он бы не смог даже прикоснуться к земной воде, настолько она была темной и смрадной по сравнению с тем, какой должна быть вода.

Напившись, Виталий оглядел золотые блюда. На них лежали незнакомые райские явства. Он взял неизвестный ему плод и надкусил его. И тут же погрузился в сладость, с удивлением убеждаясь, что плод не только приятен и вкусен, но и способен утешать.

Насытившись, он взглянул на сидящих за столом людей. Их лица были светлыми и невообразимо прекрасными. Одежды напоминали древнегреческие тоги. Запястья и шеи пирующих были украшены золотом и драгоценными камнями. Шолохов осторожно коснулся рукой широкого рукава ближайшего к нему юноши. Но для него так и осталось загадкой, что это за ткань. Нечто среднее между мехом, пухом и бархатом. Ощувив прикосновение, юноша повернулся к Виталию. Его лицо осветила радостная улыбка.

– Тебе нравится у нас, племянник? – спросил юноша.

– Нет слов, какими можно выразить мой восторг! – ответил ему Виталий. – Как здесь все великолепно устроено! Так проходят все ваши дни?

– Трудно ответить на этот вопрос. Разве что словами нашего любимого святого отца Ефрема Сирина: «Райское благоухание насыщает без хлеба; дыхание жизни служит питьем. Чувства утопают там в волнах наслаждений, которые изливаются на всех и во всех возможных видах. Никто не чувствует обременения в этом сонме радостей, и все без пресыщения наслаждаются ими, изумляясь величию Божию...»

А это все, что ты видишь и слышишь, и обоняешь и осязаешь, это все для тебя, чтобы ты отдохнул.

– Интересно, из чего вы шьете эти одежды? Где ткут такую ткань? Кто у вас устанавливает моду?

– На этот вопрос тоже трудно ответить.

– Почему?

– Все не совсем так, как тебе кажется. Здесь каждый видит истину в соответствии со своим духовным уровнем.

– То есть, ты не знаешь, из чего делают эту ткань, а кто-то выше уровнем знает?

– Нет. Дело в том, что я вообще не знаю, о какой ткани ты говоришь.

– Ну, хотя бы о той, из которой пошита твоя куртка. Я не могу разобрать, шелк это или мех.

– На мне нет никакой куртки, – улыбнулся юноша.

– Не понял...

– Ее видишь только ты. А я не вижу. Хочешь, я покажу тебе, что вижу я?

– Конечно!

– Протяни руки!

Дядя нежно обхватил запястья племянника длинными музыкальными пальцами, и Виталий ослеп. Вернее, так ему показалось. Он был совершенно слеп, но видел не тьму, а свет. Иногда казалось, что свет движется: что-то в нем меняется, происходит, но Шолохов никак не мог различить, что именно. Наконец, пальцы на запястьях разжались, будто спали оковы не только с рук, но и с глаз, и Виталий снова очутился в райском зале.

– Ну, как? – спросил юноша. – Что на мне надето?

– Я ничего не видел.

– Это от того, что ты увидеть не в состоянии. Но ты понял суть?

– Не уверен.

– Отец Ефрем и тут поможет мне объяснить:

«В какой мере очистил кто здесь око свое, в такой и там возможет созерцать славу Того, Кто превыше всех. В какой мере здесь кто отверз слух свой, в такой и там приобщится Его

премудрости. В какой мере здесь кто уготовал недра свои, в такой и там примет из сокровищ Его».

– Кажется, я начинаю понимать. Но очень сложно это мне. Так много впечатлений за один день.

– Но прошел не один день. Ой, прости, – спохватился дядя, – я отвлекаю тебя от трапезы, которую с такой любовью готовила мама, твоя бабушка. А время для тебя бежит.

Внимание Виталия снова вернулось к пиршественному столу. Посредине он заметил что-то вроде торта на огромной золотой подставке, украшенной скульптурами ангелов и щедро усыпанной самоцветами. Вскоре ему удалось разглядеть. Это был кулич! Такие на Пасху пекла его жена Ирина. В храм в их доме никогда не ходили, но куличи пекли исправно. Похожая на Ангела легкая девчушка в белоснежном одеянии взяла кусочек кулича и принесла гостю.

– Сейчас Пасха? – спросил Виталий, принимая дар с почтительным поклоном.

– У нас всегда Пасха, – прозвучал ее хрустальный как ручей голос.

Виталий ел и погружался в чувство восторга от незабываемого вкуса, великолепия окружающей обстановки и какой-то сладкой музыки. Звуки, вероятно, издавали райские птицы, поющие в саду. Пение доносилось со стороны террасы, соединенной со столовой.

Виталий вдруг вспомнил одну историю, услышанную по телевизору, который часто работал в его квартире «в фоновом режиме». Это была история о монахе и райской птице. В ней монах услышал пение птицы и последовал за ней. Он все слушал и слушал, пока песня не закончилась. А потом вернулся в монастырь. Выяснилось, что прошло много лет и даже десятилетий и умерли все, кого знал тот монах.

Примерно то же случилось и с Виталием. Ему казалось, что он только устроился на подушках и прожевал первый кусочек райской еды, как перед ним предстал Ангел Хранитель с вестью, что пора в путь.

– Прощайся с родными и крепись! Тебе предстоит частный суд.

– Я пойду с вами, если можно, – встала бабушка.

– Это слишком тяжело, Нина! – напомнил Ангел.

– Я знаю, но если Господь разрешит, пойду. Виталию будет со мной не так страшно.

– Господь разрешил, – вздохнул Ангел, – пойдете!

Они мгновенно спустились с холма, на котором находился особняк бабушки и дедушки, преодолели поле и очутились на ровном, сером, будто заасфальтированном плато.

Там их поджидало знакомое существо. Но узнал его Виталий только по глазам и ухмылке. Существо больше не походило на человека. Оно было покрыто густой рыжей шерстью, имело нечто, похожее на лапы и четыре копыта. Вокруг туловища обвился лысый змееобразный хвост. Шерсть существа кишела червями и насекомыми, распространяя вокруг себя смрад, похожий на запах тухлых яиц. Увидев беса, Виталий сбавил шаг и спрятался за спинами бабушки и Ангела. Бабушка взяла его за руку и повела к центру площадки, над которой висела плоская дощечка, и дотронулась до нее. Появился свиток. Виталий понял, что это перечень его грехов.

Бес подошел ближе.

– Так, так, – прокаркал он, – у нас тут все понятно! Оставьте его мне. Какой смысл водить по мытарствам, если у него все грехи в наличии?

– Не торопись, – сказал Ангел, – мы посмотрим.

– Чего вы там не видели? – зашипел бес.

– Такова воля Божия!

При этих словах в покрытии, на котором они стояли, отверзлась дыра. Оттуда пахнуло жаром и смрадом. Бес рухнул вниз, а Виталий поспешил отойти от края.

– Нам туда, – обратилась к нему бабушка, – возьми мою руку и держи крепко!

Шолохов схватил бабушку за руку, зажмурился и прыгнул.

Внезапно жар прошел, и они очутились в маленькой комнате, полной людей. Виталий почувствовал, что атмосфера здесь напряжена до предела. Люди с искаженными ненавистью лицами бросались друг на друга с упреками. Из общего гула слышались отдельные фразы.

– Ты грешнее меня! У меня было только два любовника в жизни, а у тебя три!

– Зато ты водку пила, а я только пиво!

– Зато пиво ты пила каждый день, а я водку только по пятницам! Ты пивная алкоголичка!

– А ты падшая женщина!

К ссорящимся подошел мужчина с выпученными от ярости глазами. Он тянул за волосы женщину.

– Смотрите, – рычал он, – это моя жена! Она говорит, что я изменял ей, а сама тоже водила всяких домой. И еще она не мыла посуду! – Мужчина толкнул женщину в круг. Остальные в бешенстве вцепились в плоть несчастной длинными когтями.

– Вы все в миллион раз грешнее меня! – кричала жертва.

Виталий обернулся. В комнате уже никто не разговаривал. Люди превратились в зверей. Они рвали плоть друг друга когтями и зубами.

– И тебе найдется местечко среди них! – шепнул на ухо Ангел.

– За что? – дрожащим голосом спросил Виталий.

– Это мытарство празднословия, на котором истязуются грехи бесед безрассудных и скверных.

– Вы оставите меня здесь?

– Пойдем дальше! – сказал Ангел, и они очутились в другом помещении, приблизились к следующему мытарству.

Серые стены и серый потолок оттенял черный стол. За ним сидел человек в черной форме, военного покроя. Человек открыл книгу.

– Так, сейчас посмотрим, что там Виталий натворил, – сказал он, потирая от удовольствия руки, – та-ак! Виталий был в Афганистане! Там он убивал младенцев и насиловал женщин. А потом и их убивал. А из маленьких детей плов готовил.

– Это не правда! – закричал Виталий и повернулся к Ангелу Хранителю. Тот будто и не слышал его.

– Бабушка, это ложь!

Но бабушку нигде не было видно, лишь чувствовалась ее рука, которая сжала его руку крепче.

– Это правда! – невозмутимо продолжал человек в черном. – Поэтому ты пойдешь в самую глубину ада и будешь жариться там вечность. Таково решение относительно твоей души.

– Но это неправда!!! – завопил Виталий и провалился вниз.

Он очнулся в душном сарае, полном людей. У них были синие лица и гигантские языки, которые душили их.

– Успокойся! – сказал Ангел. – Это мытарства лжесвидетельства, осуждения и клеветы... Ты тоже виноват в этих грехах. Возможно, тебе придется еще здесь помучиться, но сейчас мы пойдем дальше.

Толчок, и Виталий увидел себя будто в огромном свином корыте. Помещение почти до потолка было наполнено гниющими отходами. Запах вызывал тошноту. Но еще хуже стало Виталию, когда в этой куче мусора он заметил людей. Люди напоминали навозных червей. Они всюду ползали и пожирали отходы. Их животы наполнялись, раздувались и исторгали съеденное. И тут же эти навозники продолжали набивать животы.

– Давайте уйдем скорее отсюда, – взмолился Виталий.

– Это место, где ты можешь провести много времени, – возразил Ангел, – это мытарство чревоугодия и обжорства, а покушать ты любил.

– Но сейчас мы можем уйти? – умолял Виталий.

– Сейчас можем! Но дальше будет только хуже.

Будто кто-то выключил свет. Виталий оказался в полной тьме. Только теплая рука бабушки по-прежнему держала его руку, не позволяя отчаяться или сойти с ума.

Следующее мытарство – лености, где истязались грешники, проводящие время в праздности, прошли они, не задерживаясь, поскольку Виталий никогда лентяем не был и трудами чужими не пользовался. Но скоро на него накинудись люди, требующие отдать наворованное у них или заплатить выкуп за свою душу. Ангел помог Шолохову освободиться.

– Но ведь я не был никогда вором! – удивился Виталий.

– Нужно обращать внимание и на вещи, которые люди считают мелочью. Присвоение чужого, даже по мелочи, является воровством. Потому что здесь нет ничего не великого не малого, а все называют своими именами. Следующее мытарство позволит уяснить тебе это в полной мере.

Пред ними простиралось поле, сплошь усеянное грязным тряпьем и разбитыми черепками. По свалке ходили обнаженные измученные люди, пытаясь набрать как можно больше мусора и спрятать его, но к крайней своей досаде, не имели для этой цели сумок или карманов. Сталкиваясь друг с другом, они вели ожесточенные войны за хлам, пользуясь как оружием собственными зубами и когтями.

– Что это они делают? – удивился Виталий. – Ведь это все мусор!

– Это видишь ты, и вижу я, но не они, – ответил Ангел. – Эти люди и при жизни своей не видели истинной цены вещей.

– В чем же они согрешили?

– Здесь скупцы и среблолюбцы, взяточники, несправедные судьи, работодатели, не выдающие наемникам установленной платы.

Шолохов с омерзением наблюдал за тем, как рядом с ним двое безумцев дрались за кусок гнилой тряпки, как вдруг, среди мусора что-то блеснуло. Виталий осторожно подошел ближе и взгляделся. «Да это золотой! – подумал он. – Надо забрать его отсюда, жалко же оставлять им действительно ценную вещь!». Шолохов осторожно наклонился и схватил монету, но этот жест не укрылся от несчастных скупцов. Они тут же всей толпой набросились на него, требуя вернуть монету. Виталий ощутил, как вонзились в его бок чьи-то зубы, но отдавать золотой не собирался. Он уже приготовился драться, когда был извлечен из рук нападавших.

– И ты повинен в сих грехах, – тихо сказал Ангел.

– Ну, я просто не хотел им отдавать золотой! – оправдывался Шолохов.

В ответ Ангел лишь опустил глаза, и Виталий увидел в своей руке, вместо драгоценной монеты осколок разбитой бутылки.

Глава 7

Виталий немного успокоился, только вновь ощутив руку бабушки. Ангел открыл гигантские двери, и они вошли в большой старинный зал. Посреди него стоял стол, наполненный изысканными яствами.

– Ну, наконец-то! – сказал Виталий. – Можно отдохнуть от ужаса и даже перекусить.

Он сел в одно из кресел в конце и только потянулся к еде, как заметил в отдалении, во главе стола золотой трон с бархатными подушками.

«Вот это местечко лучше», – подумал он.

Виталий встал и направился к трону. Место было немного возвышенное, перед троном на столе стояла табличка VIP.

Едва Виталий уселся на трон, как из темноты возник человек, похожий на скелет. Его одежда была разорвана. На изможденном лице сверкали огромные глаза.

– Я голоден! Уступи мне место! – приказал он.

– Здесь много свободных мест и много еды, – возразил Виталий.

– Но это место мое! – не отставал скелет.

– Где это, интересно, написано? – рассердился Виталий.

Истощенный мужчина с необычайной силой набросился на конкурента и скинул его с трона.

Виталий упал в ближайшее кресло. Перед ним лежал ароматный окорок. Запах вызвал сильный аппетит, захотелось съесть кусочек. Но обида и уязвленное самолюбие вынудили отложить исполнение этого намерения.

«Почему этот урод сидит на троне? – возмутился Виталий. – Чем он лучше меня?»

Шолохов вскочил с кресла и ринулся на обидчика.

Они стали бороться, скидывая друг друга с возвышенного места. Время шло, голод рос, но Виталий не мог остановиться. Он твердо решил: либо будет сидеть на троне, либо умрет с голоду (если здесь такое возможно). Впрочем, Виталий в пылу борьбы напрочь забыл о том, где находится.

– Повеселились, и хватит! – прогремел над ухом голос Ангела, и пиршественный зал исчез.

Виталий очнулся, и ужаснулся самому себе. Ведь прошло много времени, и он мог насладиться отдыхом и едой, сидя в любом из кресел.

– Что это было? – спросил он у Ангела. – Наверное, мытарство зависти?

– Мытарство тщеславия! Но почти угадал, тщеславие без зависти не живет.

– А где бабушка?

– Я здесь, – отозвалась Нина, – сейчас не отпускай моей руки. Крепись, будет очень страшно!

Бабушка взяла Виталия за руку. С другой стороны так поступил Ангел. И они полетели куда-то вниз. Полет был долгим. Как показалось Виталию, они направлялись к центру земли, потому что становилось все жарче. Внезапно густую тьму осветило красное пламя, и они остановились.

– Смотри туда! – сказал Ангел.

Виталий пытался увидеть, что же там внизу. Сначала мешал черный дым, но потом картинка прояснилась, и он заметил толпы людей, идущие в сторону гигантской машины.

– Это же мясорубка! – ужаснулся Виталий.

Над агрегатом стояло невероятно огромное и омерзительное существо, похожее на паука, оно хватало липкими лапами людей и кидало в мясорубку. Из ее сетки выходило месиво.

И самое ужасное, что оно было живым! Все действие сопровождалось страшными воплями. Вокруг машины суетились чудовища поменьше. Они собирали «фарш» и бросали его на угли огромной пылающей печи. Месиво поджаривалось, не прекращая издавать душераздирающие крики.

– В чем повинны эти люди? – спросил Виталий, чувствуя, что силы его покидают.

– Сатанинская гордость! Это диавол готовит себе обед, – послышался отдаленный голос Ангела.

Внезапно из горы воющего мяса сформировалась фигура. Шолохов увидел красное лицо с выпученными глазами. Это была его мать.

– Мама, ты здесь? – ужаснулся Виталий. – Но за что?

– Я была горда настолько, что гордилась даже своей гордостью! – прошептала мать измученным голосом.

Ее шепот был слышен даже сквозь гул огня и вопли осужденных.

– Но я не замечал в тебе особых пороков, – не согласился Виталий.

– Где было их заметить? Гордость может совмещаться даже со святой жизнью. Человека, больного этой страстью, оставляют другие. Я всегда считала себя лучше прочих людей. Красивее, талантливей, добрее. Я винила Бога, или судьбу за то, что не дал моим талантам нужного обрамления, за то, что мне не повезло.

– Надежда! – со слезами в голосе ответила бабушка. – Если бы Господь дал тебе желанную славу, ты бы с гордостью своей принесла много зла.

– Мама, что толку учить меня? – ответила несчастная. – Всю жизнь учила. Лучше спаси!

– Я пытаюсь, доченька!

– Плохо пытаешься! – крикнула мама, и повернула к сыну обожженное лицо. – А ты, Виталька, можешь спасти меня? Я же никого, кроме тебя, не любила. Я заботилась о тебе!

Мать протянула красную руку без кожи и умудрилась схватить сына за край одежды. Она тянула его вниз, в огонь.

Виталий чувствовал, что с ним происходит нечто непоправимое. Он терял разум. Смерд, жар и ужас были совершенно невыносимы. Руки ослабли, и он полетел вниз, услышав над собой отчаянный крик бабушки:

– Господи, помилуй его!

Молитва бабушки возымела действие, и Виталий приземлился в месте, напоминающем подземелье с узкими каменными коридорами. В темном лабиринте можно было дышать свободно, но грудь сдавливала неясная тревога. В воздухе как будто витала опасность.

«Нужно убираться отсюда!» – подумал Шолохов, и стал осторожно пробираться вдоль стены. В одном из ответвляющихся коридоров мелькнула тень. Умерший ощутил животный страх и побежал. Он бежал долго, чувствуя, что тень вот-вот догонит. И вдруг она возникла прямо перед ним в образе знакомой девушки, подруги его юности. Но здесь она мало чем напоминала доброе и нежное создание, каким запомнилась при жизни. Девушка ловко накинула на шею Виталия петлю и затянула, зажав в руке другой конец веревки. И снова чувство удушья! На этот раз боль почти невыносима.

– Пойдешь со мной! – завопила девушка.

– Почему? – прохрипел Виталий.

– Ты убил меня и моего ребенка.

– Неправда! – отбивался Виталий. – Ты сама убила ребенка, и убила сама себя водкой.

– Ты во всем виноват! – кричала девушка.

– В другой раз! – повелел внезапно возникший между ними Ангел, и фурия исчезла вместе с удавкой.

– Мытарство убийства! – догадался Виталий.

– Правильно! – согласился Ангел. – Здесь же истязаются грешники, побежденные страстями гнева, ярости и злопамятства. Хоть бы, по природе своей, человек добродушный, но, как видишь, и здесь бы пострадал, если бы не защита бабушки. Но нам нужно идти дальше.

Путники пошли вперед по выжженной геенским огнем пустыне. Слева от них простиралось темное озеро, которое издавало невыносимый смрад и время от времени вспыхивало высоким и мрачным огнем. Там также были люди. До Шолохова доносились крики и стоны осужденных.

– Надеюсь, нам не нужно идти туда? – дрожащим голосом спросил Виталий своего Ангела.

– К великому моему облегчению, ты миновал в своей жизни грехов чародейства, – отозвался Ангел, – но боюсь, та компания, что направляется к нам, не минует тебя, так как ты им всю жизнь служил душой и телом.

Ангел говорил о группе женщин в яркой одежде, показавшейся вдали. Виталий в недоумении обернулся к бабушке и заметил, что та бледна и дрожит, как осиновый лист.

– Бабушка, тебе нехорошо?

– Милый, мне трудно вынести их, они уж очень безобразны.

– Спрячься за моей спиной, – предложил ей Ангел, и она воспользовалась его предложением.

Женщины уже поравнялись с Виталием, и он удивился, почему бабушка назвала их безобразными. Совершенно обычные девушки. Где-нибудь в ночном клубе, их облик был бы уместен, но здесь, разумеется, мини-юбки, длинные ногти и яркий макияж их выглядел странно. Заметив Виталия, девушки развеселились, заулыбались и бросились к нему на шею, бросая злобные взгляды в сторону Ангела.

– Пойдем с нами! – упрасивали они. – С нами весело! Мы обещаем много удовольствий! Будешь жить с нами вечно?

– Но я не знаю, кто вы? – ответил Шолохов.

– Как так? Ты не знаешь своих господ? – засмеялись они. – Ты служил нам, и теперь станешь нашим вечным слугою!

– Я не знаю вас, – отступил Виталий.

– Ты будешь вспоминать нас одну за другой, пока не вспомнишь всех! – стали злиться они. – Мы сожрем тебя, а затем исторгнем, и снова напомним о тех, с кем ты грешил!

Внезапно, на глазах у Виталия, женщины слились в одно тело, и превратились в страшного кровавого цвета дракона с двумя головами. Эти головы имели человеческие лица, которые ежесекундно изменялись. Виталий с ужасом понял, что узнает их. Это были женщины, с которыми он имел в своей жизни близкие отношения. Не медля не секунды, дракон бросился на него, чтобы поглотить, но Ангел покрыл Виталия своим крылом, и ужасные клыки щелкнули рядом, не достигнув цели. Некоторое время, дракон искал свою жертву, но, не обнаружив ее, с проклятиями провалился под землю.

– Что это за чудище? – спросил Виталий, силясь унять дрожь. – И почему у него две головы?

– А ты не догадался? – печально поинтересовался Ангел. – Одна голова дракона – блуд, а другая прелюбодеяние. Желаешь еще расспросить об этом звере?

– Нет, мне все ясно, – повесил голову Шолохов.

Последнее приключение совершенно лишило Виталия сил, и он решил, что больше не сдвинется с места. Шолохов стал осматривать красную почву вокруг, намереваясь, присесть и отдохнуть. Вдруг до его слуха донесся гул, похожий на землетрясение. Действительно, поверхность под ногами Виталия задрожала и треснула. Трещина все расширялась, и оттуда вырывались языки пламени.

– Загляни! – приказал Ангел.

Виталий подошел к краю и увидел яму, наполненную кровью и экскрементами. Там были люди и животные. Они бросались друг на друга, мучили и издевались. Все это действие было замешано на похоти. Некоторые хотели выбраться, но скользкие, покрытые испражнениями стены не позволяли это сделать.

– Хочешь посмотреть поближе? – спросил Ангел.

Виталий почувствовал, как дрогнула рука бабушки в его руке. От ужаса Виталий онемел.

– А ведь это место твое! – сказал Ангел. – Твой дом, можно сказать.

– За что? – еле слышно спросил Виталий.

– Здесь все сластолюбцы и извращенцы. Любители острых ощущений. Ведь именно в поисках таких ощущений ты все время прелюбодействовал?

– Но ведь я не гей и не зоофил, не некрофил...

– В твоем случае это не имеет значения. Чем все перечисленные тобой извращенцы от тебя отличаются? Только тем, что в поисках экзотических наслаждений зашли дальше.

– Нет, нет! – закричал в отчаянии Виталий. – Я не знал, что это все серьезно! Теперь я понимаю, и готов на все, чтобы исправиться! Спасите меня!

– Идем! – сурово сказал Ангел. – Разумеется, запоздалые мольбы никому не помогли еще в этом скорбном месте. Но, к счастью, мы пока лишь осматриваем его.

Вздыхнув с облегчением, Виталий поспешил отойти от края страшной ямы.

– Следующим истязаются грехи ереси, ты не повинен в сем. Но, к сожалению, и истина в земной жизни тебя мало интересовала.

Шолохов не заметил, как оказался в тесной яме, похожей на свежерытую могилу. Он остался совершенно один.

– Помогите! – крикнул Виталий.

– Привет! – отозвался кто-то сверху.

Шолохов взгляделся в черты человека, наклонившегося над могилой, и узнал своего когда-то лучшего друга Лешу.

– Леша, вытащи меня отсюда! – обрадовался он.

– Помочь? – заулыбался друг. – А помог ли ты мне, когда моя дочь попала в аварию? От тебя зависела ее жизнь. Ведь денег у меня не было, а у тебя было в избытке.

– Но так дочь же спасли! – возразил Виталий.

– Да! Господь помог! И я помогу тебе, я не жадный.

– Правда? – недоверчиво спросил Виталий.

– Я дам тебе то, что ты больше всего любил в жизни. Деньги, сэкономленные тобой на добрых делах.

С этими словами Леша подкатил к краю могилы большую тачку и наклонил ее. В яму, прямо на голову Виталию, посыпались крупные монеты. Они били его тело, как булыжники.

– Стой! Остановись! Хватит! – кричал Шолохов, но монеты все сыпались, пока не засыпали его полностью.

– Спаси меня Ангел! Помоги, бабушка! – взмолился Виталий.

Но, на этот раз, никто не пришел на помощь. Шолохов чувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и он вот-вот провалится куда-то в бездну.

– Господи, помилуй! – в отчаянии закричал он.

– Суд без милости не оказавшему милости! – услышал он откуда-то сверху голос, подобный грому.

Бездна разверзлась под ногами, и он устремился вниз.

Виталий падал так долго, что, казалось, прошли годы, а он все летел вниз в недра преисподней. С каждой минутой становилось все темнее. И когда умерший думал, что темнее уже и быть не может, тьма сгущалась еще сильнее. На всем протяжении полета Виталий не услышал ни малейшего звука, не ощутил дуновения ветерка. Он двигался в полном вакууме, пока давящую тишину вдруг не сменил оглушительный шум. Тысячи воплей заполнили пространство. В лицо пахнуло жаром, будто из ракетного сопла. Виталия пронзило болью от огня, который был невидим, но настигал каждый миллиметр его израненной души. Умерший ощутил страшный удар в бок, а затем раскаленную плиту где-то под щекой. Он вскочил, и в панике побежал куда-то во тьму. Виталий чувствовал, как передвигаются его ноги в горячем пространстве, но ничего не видел и не слышал, пока не наткнулся на стену. Думал, что снова упал, и попытался подняться, но вокруг были такие же стены. Вверху, внизу, с боков, всюду гладкий горячий камень. Виталий понял, что выхода нет, он замурован.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.